

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О РУССКОМ ПРАВОСЛАВИИ XX ВЕКА

Каждый, кто пытается изучить и понять историю русского государства, церкви и общества в целом, будет поражен обширностью этой задачи. Страна и народ, которые разгромили казавшиеся непобедимыми орды средневековых монгольских племен, которые в значительной степени смогли самостоятельно остановить победоносное шествие Третьего Рейха по Европе, но, тем не менее, оказались преимущественно ответственными за «экспорт» коммунистической «чумы» по всей планете, со стороны многих исследователей вызывают одновременно и восхищение, и удивление. Двадцатый век внес колоссальные изменения в ход истории этой страны. Он произвел значительный идеологический сдвиг и изменение политической системы на беспрецедентном уровне: от империи, которой правил Божий помазанник, к Советскому Союзу под руководством всеведущего «Отца народов» и его коммунистических преемников, к последующему краху советской империи и движению к большей свободе и демократии; от общества, которое, по общему мнению, характеризовалось приверженностью к христианскому мировоззрению, выраженному через систему верований восточного христианства, к утопическому в своей основе представлению о *homo sovieticus*, основанному на научно-материалистических ценностях, созданных для замены и уничтожения всех религиозных черт в сознании граждан.

Это столетие стало свидетелем как необузданного деспотизма и авторитаризма Сталина, так и хаотичной, недемократической свободы ельцинских лет, за которой, однако, в конце столетия снова последовал авторитарный тип правления В. Путина. Этот период также породил неустанное стремление к власти и угнетению, жажду свободы и апокалиптическую реальность войн с воображаемым ярким будущим. Маятник истории качался туда и обратно, влияя на жизни последующих поколений. Таким образом, ситуацию можно охарактеризовать как путешествие России, со всеми его явными противоречиями и трудностями. Сейчас страна снова находится в поиске самоидентичности, что неоднократно случалось на протяжении всей ее истории.

Россия по-прежнему продолжает вызывать различные, даже антагонистические реакции при знакомстве с историей ее раннего периода XXI века. Об этом лучше всех сказал известный русский поэт

XIX века Ф. И. Тютчев: «Умом Россию не понять, в Россию можно только верить». Если относиться к этой характеристике России и ее народа серьезно, то совершенно необходимо провести исследование в области вероисповедания. Это неизбежно заставляет исследователя познакомиться «лицом к лицу» с русским православием, его верованиями и набором ценностей, которые поддерживали русское общество в его бурной истории и во многом формировали его мировоззрение.

Вместе с русским обществом Русская православная церковь как «социальное» образование на протяжении XX века также переживала бурную и полную насилия историю. Как и остальное русское общество, она прошла через кризис идентичности, подверглась террору и вызовам, которые бросал ей безбожный режим на протяжении этой богатой событиями эпохи. Само ее существование было поставлено под угрозу из-за грубого давления и контроля со стороны государства и иногда пасторской небрежности, склонных к компромиссу иерархов. Но она выжила и восстала «из пепла» к концу XX века, и сейчас все более начинает играть доминирующую роль в жизни народа.

Необходимо признать, что вопрос самоидентичности Русской церкви выходит за рамки коммунистической эпохи. Как мы увидим в нашем исследовании, Русская церковь едва ли вообще переживала периоды свободы на протяжении своего существования, когда бы она по сути была свободной от «оков» государства и могла бы развиваться самостоятельно. Таким образом, существует важная историческая параллель, пролегающая между началом и концом двадцатого века. Она дает нам картину Русской церкви, которая выходит из эпохи государственного доминирования, будь то синодальный или советский период, пытается найти свое место, реформироваться и выразить свое мнение в рамках социально-политических условий российского и постсоветского общества. В случае с последним, речь идет о неограниченной свободе постсоветской политической системы, давшей церкви как явные благословения, так и бросившей беспрецедентные вызовы.

В течение последнего десятилетия двадцатого века русское православие вышло на передовую общественной и политической жизни. Будучи всегда отождествляемым и изображаемым церковью русского народа, оно заняло оборонительную позицию перед лицом быстрых изменений и вызовов, приходивших в Россию с разных направлений и на различных уровнях. На социально-политическом уровне страна столкнулась с переходом от общества, характеризующегося «равенством» всех своих граждан, и контролируемой экономики к прозападным реформам, которые привели к овладению западными ценностями в экономической сфере и повлекли за собой возникновение классового

общества. Тем не менее, социально-политический эксперимент исчерпал свои возможности к концу 90-х и привел к обширному крушению иллюзий, подъему ярого национализма и повсеместной бедности. На социально-религиозном уровне, как следствие горбачевской *перестройки* и *гласности*, русское православие столкнулось с возросшей миссионерской активностью местных или иностранных протестантских и католических церквей, а также иных религий и сект. Вся эта миссионерская деятельность или прозелитизм воспринимались как осязаемая угроза русскому образу жизни, культуре и вере, которые, как утверждалось, были полностью сформированы русским православием. Все эти угрозы привели к особой реакции со стороны русского православия и послужили основанием для необычных богословских и литературных измышлений. Поддержка православия порой приходила от неожиданных групп внутри российского общества, таких как Коммунистическая партия, что приводило к объединению усилий между некоторыми представителями русского православия и коммунистами посредством русского национализма.

Со стороны определенной группы внутри Русской церкви и общества, некоторые авторы воспринимали ежедневно развивающуюся постсоветскую реальность и кризис идентичности через «возвышенное» осмысление эсхатологии. В этом представлении постсоветская Россия виделась в конце мирового сценария, участвующей во вселенской борьбе между силами добра и зла, между Христом и антихристом. Были вызваны апокалиптические мотивы Третьего Рима, чтобы представить Россию «неомессианским» царством, которое исполняет важную роль в конце времен. Было задействовано литературное свидетельство славянофилов и неославянофилов, таких как Ф. М. Достоевский, чтобы обеспечить обоснование для усиления всеобъемлющего представления об этой «неомессианской» роли России. В девяностые годы был издан двухтомник «Россия перед Вторым пришествием» — собрание различных пророчеств, предсказаний *старцев* и легенд, в которых апокалиптические мотивы были перемешаны с явными монархическими стремлениями и идеалами.¹ В некоторых случаях эти публикации проявляли врожденный антисемитизм, в других Русская церковь и, в частности, Московский Патриархат, возносились на «вершину» всемирного православия. Иногда это в той или иной степени приводило к прямой конфронтации с Вселенским Константинопольским Патриархатом на протяжении всего двадцатого века.

---

¹ Сергей и Тамара Фомины (сост.), *Россия перед Вторым пришествием: материалы к очерку русской эсхатологии*, 2 т., 3-я ред. (СПб: Общество святителя Василия Великого, 1998).

На более «низком» уровне осмысления Русская церковь и православие в целом воспринимались как органичный и неотъемлемый элемент русской идентичности и, следовательно, единственный законный и желательный набор верований для русского народа. Церковь укрепилась как национальная церковь русского народа, которая *единственная* имеет над ним пасторскую и духовную власть. По отношению к другим христианским конфессиям и церквям, местным или западным, Русская церковь и православие в целом снова твердо заявили о себе как о единственной *истинной* церкви и единственной *истинной* вере, что понималось как неотъемлемая часть русской национальной идентичности. На другом «фронте», в отношениях с другими православными церквями или группами, такими как староверы и катакомбная церковь, это существенным образом подчеркнуло предполагаемую и воспринимаемую власть Русской православной церкви (Московского Патриархата).

С начала XXI века одна тема всплывает снова и снова в различных и иногда противоречивых реакциях в жизни русского православия по отношению к окружающему миру – тема воспринимаемой власти русского православия и церкви. Перед лицом различных идеологических, социологических, религиозных и политических вызовов русское православие пытается заново заявить о своей власти не только над душой и сознанием нации, но и за пределами государства – на международной арене. В связи с этим возникает вопрос о том, что составляет эту воспринимаемую власть русского православия? Откуда она берет начало? Где ее истоки? Каковы неотъемлемые «компоненты» этой воспринимаемой власти в ее внешней и внутренней составляющих? Что могло объединить поборника коммунистической идеологии и представителя высшей иерархии Русской православной церкви? Что могло стать общим знаменателем для их взглядов? Какова центральная нить их стремлений и верований?

СТРУКТУРА И ТЕМЫ

При исследовании этих вопросов наша книга широко охватывает четыре области дискуссии: духовная (мистическая власть), иерархическая власть, принцип *соборности* и харизматическая власть *старцев*. Первые две главы представляют собой обязательную, фундаментальную основу для всех последующих глав, в которых обсуждаются процессы развития и представления в среде русского христианства. Наше исследование будет вращаться вокруг двух главных вопросов: *как и что?* В то время как первый вопрос стремится исследовать путь,

по которому развивалась концепция власти в русском православии, второй рассматривает дискуссию о том, какой тип или образ власти развивался в русском православии в определенный период времени.

Глава 1 «описывает обстановку», обсуждая более широкие вопросы христианства в период до императора Константина, которые будут важны для нашей дискуссии о русском православии в главах 3, 4 и 5. Такие темы как *pax Romana*, вечный Рим, Христос и *pax Romana*, отношение авторов НЗ к государству и его власти, оценка государства отцами церкви, концепция *translatio imperii* и Мессианское царство, церковь как Новый Израиль представлены как неотъемлемые составляющие, которые внесли свой вклад в возникновение духовной (мистической) концепции власти. Первоначальное исследование необходимо, чтобы установить и раскрыть осмысление природы отношений между государством и церковью в том виде, в котором они появляются в писаниях евангелистов, других авторов НЗ и отцов церкви. Мы постараемся ответить на вопрос о том, каким было их понимание или отношение к государству и его последующее значение для власти возникшей церкви. Данная дискуссия, сама по себе, будет помещена в более широкий контекст *pax Romana*, содержащий такие относящиеся к теме вопросы как вечный Рим и ведущий к последующей дискуссии о духовной (мистической) власти Москвы как Третьего Рима.

В первой главе будет рассмотрено происхождение вышеперечисленных идей путем историко-богословского исследования. Прежде всего, нас будет интересовать ранний период христианства в *дони-кейскую* эпоху. Наше исследование приведет нас к обсуждению таких вопросов как *pax Romana*, концепции и идеи, которые привели к формированию этого понятия, его истоки и развитие. Наряду с *pax Romana*, наше внимание привлекут понятия вечности империи и ее природы, в частности, империи Рима. Будет сведена в одно оценка этих вопросов, чтобы представить характер Римской империи в том виде, как он воспринимался в эпоху до Константина. Далее, мы обсудим понимание отношений между церковью и государством в более широких рамках *pax Romana*. Мы исследуем то, как решали проблему Иисус, апостолы и отцы церкви в обозначенный период.

Наконец, в последней части этой главы мы исследуем понятие *translatio imperii*: его происхождение и эволюцию. Мы покажем, как концепция перемещающейся империи была воспринята в книге Даниила и затем перенесена на христианское понимание истории и богословия. Кроме того, в связи с вопросом *translatio imperii* будут изучены концепции Мессии и Мессианского царства. Это будет сделано для определения важности и значения этих концепций в еврейском

контексте. Мы также проанализируем их последствия и влияние на христианское осмысление Божьего царства и Мессии. Это даст нам возможность понять то, каким образом христианская интерпретация четырех этапов Даниилового плана истории переплелась с римским и еврейским пониманием. Данная глава закончится оценкой изменений внутри раннего христианства в его богословских и социологических аспектах, чтобы представить доказательство того, каким образом изменения в богословской и социологической сферах могли оказать воздействие на самовосприятие Византийской империи.

Вторая глава перенесет нас в эпоху Константина, которая преимущественно представляет собой совершенно новый этап развития в жизни христианской церкви и до сих пор продолжает оставаться предметом серьезных разногласий между различными христианскими традициями. Существенное количество протестантских ученых в целом относятся к эпохе Константина как к периоду отступничества церкви, в то время как православные ученые и Традиция почитают императора Константина *равноапостольным*, таким образом исследование вопросов, относящихся к сфере отношений церкви и государства, становится обязательным.² Мы изучим развитие соответствующих концепций власти между церковью и государством по мере их развития во время и после соглашения Константина. Далее, помня, что изложенная Филофеем формула Третьего Рима превратилась в официальную декларацию в 1589 году при основании Московского Патриархата, мы постараемся ответить на вопрос о том, как необходимо понимать терминологию московского Третьего Рима и его ощущение преемственности. Было ли это апокалиптическое видение мессианского московского царства, которому была доверена особая миссия в великом плане истории спасения человечества, со специальным акцентом на нем как на наследнике православия после падения Византии, или же апокалиптическое видение мира, превосходящее простое смертное понимание исторической реальности?

Мы сосредоточимся на теме мессианского царства и возникновении имперской идеологии, которая стала решающим средством для слияния нескольких идей. Установив в Главе 1 происхождение идей и обширный фон богословских концепций в политической

² Среди прочих, см.: Св. А. Николин, *Церковь и государство* (М: Изд-во Сретенского Монастыря, 1997), Baynes N. H., *Constantine the Great and the Christian Church* (London: Oxford University Press, 1972), Keresztes, P., *Constantine: A Great Christian Monarch and Apostle* (Amsterdam: Gieben, 1981), Norderval, O., "The Emperor Constantine and Arius: Unity in the Church and Unity in the Empire", *Studia Theologica* 42 (1988): 113-50, Drake, H. A., "Constantine and Consensus", *Church History* 64 (1995): 1-15.

обстановке *pax Romana* в период до возникновения христианской империи в IV веке, мы приступим к исследованию процессов развития в византийском периоде, которые во многом сыграли фундаментальную и предписывающую роль для взглядов и концепций, сформировавшихся в русском православии. Мы постараемся сформулировать и дать ответы на следующие вопросы: кто был ответственным за возникновение христианской имперской идеологии, и как эти новые умозрения повлияли на самовосприятие византийского христианства? Было ли само формирование христианской империи под властью римского императора-христианина Константина актом Божьего провидения, или же оно стало дальнейшим шагом к «секуляризации» и отходу от идеалов раннего христианства, которое жило ожиданием второго пришествия? Каково было значение и воздействие богословских размышлений относительно Израиля в Божьем плане спасения для зарождающегося «государственного» христианства и византийской нации? Как стало возможным отождествление фактической исторической формации, такой как Византийская империя, со сверхисторическим видением мессианского царства? Что должно было случиться с духовной властью Византийской церкви в свете посленикийских представлений об императоре как о «внешнем епископе»?

В связи с этим, значительная часть дискуссии будет развиваться вокруг исторической и противоречивой фигуры Евсевия Кесарийского. Нам важно отметить, что среди русских ученых-историков не существует какого-либо серьезного обсуждения такой противоречивой фигуры как Евсевий Кесарийский в связи с вопросом отношений церкви и государства в России. Тем не менее, как станет ясно из нашего исследования, он сыграл важную роль в формулировании социально-богословских идей, которые были применены в данной сфере сначала в Византии, а затем в России. В этом отношении наша дискуссия о Евсевии напрямую связана с общей темой нашего исследования — развитием концепции власти внутри русского православия.

Мы постараемся показать, что он стал главным поборником имперской идеологии, которая оказала воздействие на отношения между церковью и государством и на соответствующее понимание власти с обеих сторон. Это важно в свете того факта, что русская научная мысль уделяла недостаточное внимание этой исторической фигуре, вероятно, по причине спорности его православия. На данном этапе также будет чрезвычайно важно сделать оценку понимания власти, как христианского императора, так и церкви, а также определить природу этих взаимоотношений. Это, как мы увидим, стало

фундаментальным положением для Византии и, позже, для русского православия. Затем мы обсудим воздействие на византийские апокалиптические представления социально-политических изменений, касающихся христианизации Римской империи, и параллельное зарождение христианства как официальной религии.

Исторически русское православие проявляло антизападную ориентацию. Эту враждебность можно обнаружить во всех исторических периодах, начиная с зарождения христианства в Киевской Руси. Она усилилась во время московского периода, а затем выражалась различными группами и отдельными людьми такими, как староверы, славянофилы, постсоветские православные и светские писатели, иерархи Русской православной церкви и защитники коммунизма. Таким образом, возникает вопрос: что стоит за этим антизападным антагонизмом и неприятием? Каким образом старые конфликты византийской эры могут пролить свет на современные заявления о русской исключительности, утверждения о том, что именно в России *истинная церковь*, пользующаяся своей духовной властью против католических и протестантских церквей, как в самой России, так и за ее пределами?

В главе 3 будет рассматриваться киевское христианство, после чего мы вникнем в историю Московского царства, Русской церкви и исторического развития, происходившего в сфере отношений церкви и государства. Мы уделим некоторое внимание киевскому христианству, которое, хотя и представляет собой лишь «переходную фазу» в рамках нашего исследования, во многом заложило основание и «дало жизнь» русскому православию московского царства. Мы исследуем духовный и идеологический «характер» киевского христианства в контексте церковных конфликтов между Востоком и Западом. Мы постараемся показать наследие византийских взглядов относительно власти внутри киевского православия. Далее, мы проанализируем развитие власти в среде русского православия пятнадцатого и шестнадцатого столетий преимущественно на двух уровнях. На одном уровне мы исследуем развитие власти в том виде, в котором она была кратко изложена в рамках концепции Москвы как Третьего Рима. Здесь мы рассмотрим вопрос духовной (мистической) власти Московского царства по отношению к окружающему миру — как Востоку, так и Западу. Затем последует обсуждение развития власти внутри русского православия в обозначенный период. В данном подразделе мы попытаемся обнаружить и обсудить развитие иерархического понятия власти в том виде, в каком она проявилась в церковных противоречиях и спорах внутри русского православия. В связи с этим, определенное внимание будет уделено важности власти в Традиции, поскольку она сыграла

не последнюю роль в этой борьбе. Затем мы уделим особое внимание последовавшим разногласиям между иосифлянами и нестяжателями, учитывая то, что результаты этого противостояния имели далеко идущие последствия для концепции власти в русском православии.

Основная причина написания этой главы состоит в желании проследить и обсудить развитие концепции власти в Русской православной церкви на протяжении ключевой «московской стадии», которая во многом «задала тон», порой с разрушительными последствиями, и определила нормативный характер русского православия на последующие столетия. Рассматривая общую историю Русской православной церкви, будь то в дореволюционный, советский или постсоветский период, большинство российских, а также западных ученых-историков склонны либо игнорировать вопрос развития концепции власти в Русской православной церкви, либо относиться к нему в контексте общего хода истории, выталкивая его, таким образом, «за кулисы». Однако вопрос власти внутри Русской православной церкви выглядит одним из ключевых основополагающих понятий, сформировавших особое московское религиозное мировоззрение. Подобный подход позволит нам сконструировать конкретные процессы развития и восприятие власти в том виде, в котором оно эволюционировало в данный ключевой период Русской православной церкви московского типа. Это даст нам возможность увидеть сходства и различия в развитии концепции власти между византийской и киевской стадиями русского православия.

В главе 4 будет рассмотрено дальнейшее развитие отношений между Востоком и Западом, происходившее во время так называемого Никонианского *раскола*. Процессы дробления³ русского общества, которое распространялось реформами Никона в XVII веке, привели к появлению русской дихотомии. Русское общество стало характеризоваться разделением внутри себя самого, и хотя внешне оно было объединено под властью одного царя, религиозно и социально оно развивалось в различных направлениях на протяжении XVII и XVIII веков. Постоянное взаимодействие с Западом, которое началось в XVI веке и усилилось в XVII, как указывает Казакова,⁴ еще более ускорило в результате новаторской политики Петра Великого.

---

³ Поспеловский, *Православная Церковь в истории Руси, России и СССР* (М: ББИ, 1996), стр. 84, рассматривает Смутное время, как начало периода, в который началось дробление русского общества, разделившее его на западников и славянофилов.

⁴ См. Н. В. Казакова, *Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков* (Л: Наука, 1980).

Воздействие этого процесса и его влияние на русское общество в целом лаконично выразил в конце XVIII века Денис Фонвизин: «Как истребить два сопотивые и оба вреднейшие предрассудка: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо: второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?»⁵ Фонвизин подчеркнул непрерывность политической и религиозной борьбы внутри русской нации, пытавшейся определиться по отношению к историческим и геополитическим обстоятельствам внутри и извне в сторону Запада и Востока. Эта борьба включала в себя, помимо прочего, вопросы идеологии Третьего Рима и концепцию власти, которая стала играть значительную роль в эту бурную эпоху.

Далее в этой главе мы рассмотрим реформы Никона и *раскол* с точки зрения развития концепции власти и ее значения для русского православия и общества в целом. Мы убеждены в невозможности понять и дать удовлетворительную оценку *расколу* без исследования вопроса власти, который во многом стал ключевым моментом в этом историческом споре, и представлял собой продолжение развития, начавшегося в предыдущие столетия. Мы намерены в этой главе продолжить конструкцию на фундаменте предыдущего исследования и обсудить новые процессы развития в контексте общего изучения. Эта глава охватит период, начинающийся с реформ Никона в XVII веке, затем последовавший синодальный период и закончится рассмотрением XIX века.

Хотя каждый период представляет собой отдельный самостоятельный процесс развития, в силу ограничений нашего исследования мы рассмотрим эти различные периоды в пределах одной главы. К тому же, нам кажется желательным изучить эти отдельные периоды в одной главе по причине того, что мы понимаем, насколько они, по сути, взаимосвязаны между собой. Иной подход создал бы псевдоисторический разрыв. Мы сможем обсудить основные процессы развития в каждом из этих периодов и проанализировать значение, а также смысл концепции власти в русском православии. Таким образом, эта глава охватывает следующие три области: Никон и *раскол*, его последствия и эпоха Петра Великого. Глава заканчивается обсуждением идеологии славянофилов, или, по крайней мере, некоторых ее тем, «воскрешенных» в постсоветской России как светскими, так и церковными мыслителями. Мы хотим подметить, что вопрос власти, а именно «духовной» власти русского православия, воплощенный в концепции Третий Рим, «породил» многогранные богословские

---

⁵ Hosking, G., “The Russian national myth repudiated”, in *Myths and Nationhood* (London: Hurst & Company, 1997), 198.

и философские восприятия в русском сознании, которые нашли свое выражение в русском апокалиптизме, мессианизме, славянофилизме, панславизме и антисемитизме. В этой главе особое внимание будет уделено концепции *соборности*, которая начала играть важную роль в церковной полемике внутри русского православия во второй половине XIX и начале XX века.

Наш труд будет завершен в Главе 5 дискуссией о процессах развития в XX веке, которые поставили Русскую православную церковь перед беспрецедентными вызовами. Это богатое событиями столетие началось и закончилось дезинтеграцией политических систем: в начале крахом имперской власти и концом Российской империи, и в конце крахом коммунистического режима и дезинтеграцией советской империи. Оба эти события имели свои последствия для Русской православной церкви. В первом случае, «рука помощи» была протянута печально известным *старцем* Г. Распутиным, который, используя религиозное влияние на царя и царицу, внес существенный «вклад» в гибель политической системы, одновременно захватив в свои руки церковную власть. Таким образом, в этом подразделе мы исследуем вопрос харизматической власти *старцев* как неотъемлемой части обширной концепции власти внутри русского православия. В нашей дискуссии феномен Г. Распутина будет использован в качестве негативного, но рокового примера харизматической власти института *старчества* внутри русского православия с уникальным характером власти. Далее, мы изучим характер исторического Собора Русской церкви в 1917–1918 годах, который обозначил новую, пусть и недолговечную попытку реформировать русское православие в соответствии с иным пониманием власти после застоя синодального периода. После этого мы проанализируем советский период и обсудим концепцию власти в ее развитии между Русской православной церковью (Московского Патриархата) и государством, а также между различными фракциями внутри русского православия при Сталине. Затем мы уделим некоторое внимание важности «возрождения идеологии Третьего Рима» Московским Патриархатом и идеологическим дебатам между неославянофилами и неозападниками в XX веке. Вопрос антисемитизма в русском православии будет рассмотрен на основании того, что он представляет собой «ответвление» воспринимаемой духовной (мистической) власти, вытекающее из формулы Третьего Рима. Как таковой, он до сих пор проявляется в современном русском православии. Данная глава завершится выводами о воспринимаемой власти Московского Патриархата в постсоветский период.

КРИТЕРИИ И МЕТОДОЛОГИЯ

Со времен знаменитого заявления монаха Филофея в начале XVI века, мотив Третьего Рима присутствовал в сознании русского народа и проявился снова во времена Никона, в писаниях славянофилов и в неомессианских идеалах Ф. М. Достоевского, в размышлениях духовенства и интеллигенции на протяжении советского и постсоветского периодов. В то время как темы и составляющие этой формулы, такие как мессианское царство, *translatio imperii* и терминология Рима были признаны и широко обсуждаемы, не было никаких попыток проанализировать эти концепции с точки зрения понимания власти. Мы считаем, что тема Москвы как Третьего Рима может быть лучше понята, если ее поместить в контекст власти, ее развития и того, как она «поддерживала» собой эту мифологическую концепцию. Для того, чтобы понять такой сильный символ как «Москва — Третий Рим», необходимо разделить его на «составляющие», расслоить их, проследить их истоки и проанализировать то, как каждый из них внес свой вклад в создание этого символа и повлиял на русскую психологию. Затем эти темы будут обсуждаться на протяжении шести глав, организованных в хронологическом порядке в соответствии с историческими процессами развития, внесшими свой очевидный вклад.

С методологической точки зрения, для того, чтобы понять функционирование власти внутри русского православия и причины, по которым такие сильные символы, как «Москва — Третий Рим» столь мощно овладели русским сознанием и продолжают владеть им сегодня, хоть уже и в меньшей мере, нам необходимо посмотреть на исторический контекст. Кроме того, чтобы понять восприятие русским православием власти в многогранности ее элементов, что стало определяющим фактором для его мировоззрения, необходимо обратиться к его истокам. Не забывая о том факте, что русское православие в конечном итоге было сформировано византийским христианством, наше «путешествие» приведет нас не только к византийскому периоду, но и еще глубже в историю — к истокам самого христианства. Тем самым нам удастся избежать исторических ограничений и близорукости, и мы окажемся способными лучше понять элементы власти в русском православии, которые проявились на протяжении всей истории, и, может быть, даже объяснить «механизм», посредством которого эти взгляды всплыли на поверхность истории.